

**О проблеме доказательств в историческом
исследовании,
или Подозревал ли Петр I патриарха Адриана в связях с
мятежными стрельцами?¹**

Евгений В. Акельев
Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”

**On the Problem of Evidence in Historical Research,
or, Did Peter I Suspect Patriarch Adrian of Having
Connections with the Rebel *Strel'tsy*?**

Evgenii V. Akel'ev
Higher School of Economics University
eakelev@hse.ru

Ответ автора на рецензию Е. Н. Трефилова на книгу Е. В. Акельева, Русский Мисопогон: Пётр I, брaдобритие и десять миллионов “москвитов.” Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с. ISBN: 978-5-4448-1928-9.

Author's response to E. N. Trefilov's review of E. V. Akel'ev, *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat' millionov "moskovitov,"* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 624 p. ISBN: 978-5-4448-1928-9.

Я благодарю Е. Н. Трефилова за обстоятельный анализ моей книги, проделанный сквозь призму ее центральной проблемы - взаимоотношений царя и его подданных. И особенно я признателен ему за развернутую критическую часть, в которой ставится под сомнение моя гипотеза, выдвинутая на основе реконструкции культурного и политического контекста знаменитого брaдобрития в Преображенском, устроенного Петром I 26 августа 1698 г., во время его первой встречи с боярами, на другой день после возвращения из Великого посольства.

Очень серьезный историк, специалист по истории народных движений в России XVII-XVIII вв., являющийся глубоким знатоком петровской эпохи,²

¹ Работа написана в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики.”

² См., например: E. N. Trefilov, “Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18:3 (2017): 461-485; E. N. Trefilov, “‘Чтоб над нами Русь не владела’: отношение донских казаков - участников булавинского восстания к России и русским,” *Российская история*, no. 2 (2022): 100-110 (E. N. Trefilov, “‘Chtob nad nami Rus' ne vladela': otnoshenie donskikh kazakov - uchastnikov bulavinskogo vosstaniia k Rossii i russkim,” *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2022), 100-110; Евгений Трефилов, “За царя или за Отечество? Отношение участников восстаний Петровской эпохи к стране и ее жителям,” *Cahiers du Monde Russe* 63:2 (2022): 413-446. (Evgenii Trefilov, “Za tsaria ili za Otechestvo? Otnoshenie

критикует меня за то, что я построил мою гипотезу “на ряде допущений,” а эти допущения, в свою очередь, сформулированы на основе “очень сомнительных данных.” Эта критика заставила меня строго и со всей ответственностью пересмотреть всю мою аргументацию, чтобы отделить догадки, которые действительно могли ввести меня в заблуждение, от достаточно обоснованных предположений, которые нельзя игнорировать, а также вполне установленных фактов, от которых невозможно отмахнуться. Параллельно я должен был постоянно размышлять над проблемой доказательств в историческом исследовании.³ Как мы, практикующие историки, приходим к тем или иным убеждениям? Как отличить “гипотетическое” от “доказанного”? Почему в определенный момент те или иные интерпретации находят всеобщую поддержку в научном сообществе, а другие нет? И как в дальнейшем общепризнанные интерпретации могут быть опровергнуты? Эти вопросы находятся в центре внимания этой статьи, но рассматриваются не отвлеченно, на уровне теории, а на конкретном историческом материале.

Далее я рассмотрю свои главные аргументы и покажу, что моя гипотеза основана вовсе не на одних лишь допущениях и ненадежных данных, как утверждает Е. Н. Трефилов. Но сперва необходимо показать, почему общепринятая интерпретация брадобрития в Преображенском нуждается в пересмотре.

О том, как Н. Г. Устрялов искал смысл брадобрития в Преображенском, но напал на ложный след

Первым историком, попытавшимся понять смысл брадобрития в Преображенском, был, кажется, Н. Г. Устрялов. Интерпретация Устрялова повлияла на С. М. Соловьева, а затем, прямо или опосредованно, и на других авторов, а от них перекечевала (с некоторыми модификациями) в университетские и школьные учебники. В основе этой интерпретации лежит открытый Устряловым источник - донесение посла императора Священной Римской империи Леопольда I Кристофа Игнаца фон Гвариента от 2 (12) сентября 1698 г. с описанием первых дней Петра после его возвращения из путешествия по странам Западной Европы (далее - донесение Гвариента от 2 сентября).⁴ Разглядев в описанном Гвариентом брадобритии в Преображенском большой политический и культурный смысл, Устрялов поставил эту сцену в центр важной переходной

uchastnikov vosstaniï Petrovskoi epokhi k strane i ee zhiteliam,” *Cahiers du Monde Russe* 63:2 (2022): 413-446).

³ Обсуждение этой проблемы см., напр.: Giuseppe Pucci, “La prova in archeologia,” *Quaderni Storici* 29:85 (1) (1994): 59-74; Карло Гинзбург, *Загадка Пьеро: Пьеро дела Франческа* (Москва: Новое литературное обозрение, 2019), 164-178. (Carlo Ginzburg, *Zagadka P'ero: P'ero della Francheska* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019), 164-178); Михаил Велижев, Тимур Атнашев, “Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках,” *Новое литературное обозрение* 160:6 (2019): 1-10. (Mikhail Velizhev, Timur Atnashev, “Mikroistoriia i problema dokazatel'stva v gumanitarnykh naukakh,” *Novoe literaturnoe obozrenie* 160:6 (2019): 1-10).

⁴ Опубликовано: Е. В. Акельев, *Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов “московитов”* (Москва: Новое литературное обозрение, 2022), 503-509. (E. V. Akel'ev, *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat' millionov “moskovitov”* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022), 503-509).

главы третьего тома *Истории царствования Петра Великого* (1858), в которой выдвигается гипотеза о том, что к моменту возвращения царя в Россию в его голове созрела цельная программа преобразований:

Оторвать Россию от востока, от грубой татарщины, сблизить ее с Европою и включить в семейство государств образованных, вот мысль, которая вспыхнула в уме Петра после того, как увидел он во всем блеске науку и искусство, и уже ничто не могло угасить в душе его небесного пламени. Двумя путями задумал он приготовить Россию к новой жизни. С одной стороны, решился исхитить из власти шведов старинную Водьскую пятину, чтобы прорубить здесь окно из темной Азии в светлую Европу. С другой стороны вознамерился сгладить внешнее отличие русского народа от народов западных, чтобы тем легче привить по крайней мере высшему и среднему сословию лучшие обычаи и размягчить закоснелость нрава, пробудить в народе любовь к европейскому знанию и искусству.⁵

Понятно, что Устрялов не мог иметь никаких доказательств в подтверждение того, что в голове Петра действительно “вспыхнула” такая-то “мысль.” Но в свете этого допущения бородобритие в Преображенском оказалось озарено смыслом. Устрялов красочно описал царскую выходку с бородобритием, объяснив ее значение следующим образом: это был “первый шаг к перерождению России,” и этот шаг “был самый трудный,” ибо “ничем так не гордился русский народ перед немцами и ничем в своих обычаях так не дорожил он, как бородою,” в то время Петр усвоил взгляд на русскую бороду как на “символ закоснелых предрассудков,” “вывеску спесивого невежества,” и “вечную преграду к дружелюбному сближению с иноземцами, к заимствованию от них всего полезного.” Далее Устрялов процитировал указы о замене старинного русского “национального костюма” на западноевропейский, пояснив, что мотивы Петра в этих повелениях были такими же, как и в Преображенском: “народ в своем старинном костюме всегда будет чуждаться и дичиться немцев, с которыми сблизиться и подружиться, в понятиях царя, было первою необходимостью для его подданных.”⁶

В правильности интерпретации Устрялова усомнился еще М.М. Богословский, обративший внимание на то, что она противоречит некоторым неоспоримым фактам. Так, хорошо известно, что мода на бритый подбородок в России была широко распространена в придворном обществе задолго до Великого посольства, на что, например, указывают некоторые дошедшие до нас парсуны. Кроме того, хорошо известно, что в Москве издавна было много приглашенных

⁵ Н. Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1858), 183. (N. G. Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3 (St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1858-1863), 183). Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат мне, если не оговаривается специально.

⁶ Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 196–200. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo*, t. 3, 196-200). Слово “немцы” выделено самим Устряловым для того, чтобы подчеркнуть, что оно им используется в переносном смысле, как обозначение всех западных европейцев.

западноевропейских специалистов, которые, разумеется, брились; стало быть, для того, чтобы узнать о моде на бородобритие, вовсе не нужно было ехать в Западную Европу. И если Петр вернулся с намерением осуществить европеизацию внешнего облика своих подданных, зачем было идти по пути грубой силы: "Не сопротивление общества служило помехой нововведению, к которому само общество и без того обнаруживало большую склонность, а исключительно та резкость и шутовство, с которыми нововведение стало осуществляться."⁷ К этому добавим, что гипотеза Устрялова о том, что намерение "сгладить внешнее отличие русского народа от народов западных" зародилось в голове Петра именно в ходе путешествия по странам Западной Европы, не находит подтверждения ни в одном источнике.⁸

Скорее всего, Устрялов предложил неверную интерпретацию, иначе она не нуждалась бы в допущениях и не противоречила бы другим известным фактам, а напротив, отталкивалась бы от них. Было бы поучительно выяснить, где же именно великий историк допустил ошибку. Как давно и точно определил Марк Блок, к бесспорным особенностям исторического исследования следует отнести познание "фактов человеческой жизни в прошлом... по следам;" "что понимаем мы под словом 'источник,' если не 'след,' т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен."⁹ Продолжая эту линию размышлений о "ремесле историка," Карло Гинзбург предложил отнести историю к "уликовой парадигме," подчеркивая сходства в манере ведения исторического исследования с работой древнего охотника или современного детектива.¹⁰ Если воспользоваться этим сравнением, мне кажется, можно сказать, что Устрялов в поиске смысла петровского бородобрития в Преображенском попал на неверный след. Действительно, при описании первой встречи царя и бояр Гварриент ничего не сообщает о том, что Петр 26 августа 1698 г. успел поработать не только цирюльником, но также и модельером; а значит указы о ношении "немецкого" платья, которые последуют лишь в 1700-1704 г. (также как и первый указ о бородобритии, который будет издан только в 1705 г.), прямого отношения к бородобритию в Преображенском 26 августа 1698 г. не имеют. Конечно, эти указы могут быть использованы в качестве вспомогательных аргументов (ведь в них тоже обнаруживается стремление царя изменить внешний облик своих подданных), но основывать на них интерпретацию действий Петра на первой встрече с боярами нельзя, так как эти следы относятся к несколько иному историческому контексту, а потому неизбежно уведут исследователя, желающего понять мотивы действий царя на приеме в Преображенском 26 августа 1698 г., далеко в сторону.

⁷ М. М. Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3 (Ленинград: Госполитиздат, 1946), 8–9. (M. M. Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 3 (Leningrad: Gospolitizdat, 1946), 8–9).

⁸ Соответствующая аргументация, с которой согласился Е. Н. Трефилов (см. сноска 36), приведена в моей книге: Акельев, *Русский Мисопогон*, 206–210. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 206–210).

⁹ Марк Блок, *Апология истории, или Ремесло историка* (Москва: Наука, 1986), 33. (Marc Bloch, *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika* (Moscow: Nauka, 1986), 33).

¹⁰ Карло Гинзбург, "Приметы. Уликовая парадигма и ее корни," в Карло Гинзбург, *Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история* (Москва: Новое издательство, 2004), 189–241. (Carlo Ginzburg, "Primety. Ulikovaia paradigma i ee korni," in Carlo Ginzburg, *Mify-emblemy-primety: Morfologiia i istoriia* (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004), 189–241).

Вернемся же к исходной точке - описанию брадобрития в Преображенском, включенному Гвариентом в донесение от 2 сентября.

О том, как объясняли сцену в Преображенском лишившиеся бород подданные Петра

Прежде всего, следует заметить, что дипломат не мог присутствовать 26 августа 1698 г. на царском приеме лично и видеть брадобритие своими глазами.¹¹ Это означает, что Гвариент пользовался рассказами каких-то информаторов, а потому можно надеяться, что в его сообщении запечатлены голоса непосредственных участников встречи с царем в Преображенском. Свидетельство Гвариента интересно еще и тем, что в нем содержится не только собственно описание брадобрития в Преображенском (т.е. дается ответ на вопрос, что произошло), но также прослеживается попытка его интерпретации (т.е. объясняется, почему Петр так действовал). И в основе этого первого толкования лежит отсылка к другому тексту: “их отрезывание [брадобритие], согласно приговору патриарха, немедленно навлекает отлучение от Церкви.”

Такой строгий “приговор” предстоятеля действительно существовал. Речь идет о хорошо известном в книжной традиции “Окружном послании” патриарха Адриана против брадобрития, в котором все священники получили строгое предписание лишать церковного общения упорных нарушителей заповеди о брадоношении, пока они не оставят сей “смертный и богопротивный грех.”¹²

Находившийся в Москве чуть более трех месяцев Гвариент, конечно, не мог самостоятельно узнать о существовании этого текста, а тем более поставить его в непосредственную связь с выходкой Петра в Преображенском, если бы не его русские собеседники, которые хорошо знали и о том, что патриарх Адриан был далеко не первым предстоятелем Русской Православной Церкви, вводившим этот запрет.¹³ Брадобритие в Московии издревле относилось к сфере духовной, а не светской власти.¹⁴ Следовательно, русские участники неофициального приема в Преображенском воспринимали царское брадобритие как *грубое и даже скандальное вторжение царя в сферу церковной власти.*

¹¹ Аргументацию см.: Акельев, *Русский мисопогон*, 54-57. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 54-57).

¹² Предположительно, отнесение брадобрития к числу “смертных” грехов оказалось возможным вследствие того, что оно традиционно ассоциировалось с “содомским” грехом: по словам Адриана, гладко выбритый мужчина не может называться “мужем,” но он не становится и “женой,” почему именуется “мужеженой,” “на скареднейшее содомство издаюшеся.” См.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 477-481. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 477-481).

¹³ Акельев, *Русский Мисопогон*, 151-154. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 151-154).

¹⁴ Например, в печатном *Требнике* 1647 г. содержался “Чин исповеди,” где в перечне вопросов, на который священнику следовало ориентироваться при испытании кающегося, фигурирует и такой: “По еретическому преданию брады своя не брил ли еси?” При этом предполагался такой ответ духовного чада: “Не бривал, честный отче.” Если же “грех” имел место, то священнику следовало рекомендовать исповеднику произнести такие слова раскаяния: “Согреших — Богосозданную нашу доброту обругав, врага и еретика послушав, браду свою брил и иных на то поучах:” *Требник* (Москва: Московский печатный двор, 1647), л. 21 об., 43. (*Trebnik* (Moscow: Moskovskii pechatnyi dvor, 1647), l. 21 ob., 43). Описание конкретных случаев применения епископами и священниками санкций против нарушителей заповеди брадоношения см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 157, 230-232. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 157, 23-232).

Поставив под сомнение вторую часть моей аргументации, Е.Н. Трефилов совсем не принял во внимание первую. Между тем, из богословской составляющей книги следует, что царь брил бороды своим боярам, прекрасно осознавая, что его действия грубо нарушают многовековую церковную традицию и вступают в резкий конфликт с категоричным предписанием патриарха Адриана об отлучении от Церкви за бранобритие. Вряд ли есть основания усомниться в том, что для Петра это был сознательный и обдуманый шаг. Этот несомненный факт необходимо держать в голове при рассмотрении других аргументов.

О том, что писал Гвариент о патриархе Адриане во время военного мятежа июня 1698 г., и почему к этому нельзя относиться с пренебрежением

Но на этом истолкование сообщения Гвариента от 2 сентября не может быть исчерпывающим. Дело в том, что в предшествующей депеше, отправленной в Вену 17 (27) июня 1698 г., когда там еще находился сам Петр, Гвариент много писал о патриархе. Посол доносил, что Адриан недавно "публично выступил" против разрешенного царем табакокурения, предав анафеме русского купца, который договорился с государем, еще до его отъезда за границу, о приобретении табачной монополии; затем, предстоятель отказался подчиниться требованию Петра о разводе с Евдокией; наконец, он хотел предать анафеме Б. П. Шереметева за аудиенцию у папы римского. Все эти действия, воспринимаемые Гвариентом как направленные против государя, "при тогдашних смятенных обстоятельствах в государстве вызвали опасные трения среди бояр и первейших министров." Поэтому собеседники Гвариента предрекали "патриарху неизбежное наказание и суровую немилость по возвращении царя."¹⁵

Е. Н. Трефилов относится к этому сообщению Гвариента с большим скепсисом и даже пренебрежением, называя приведенные там сведения "сомнительными," поскольку они не находят подтверждения в русских источниках. Однако сам по себе факт обнаружения документов об анафематствовании купца Гостиной сотни Мартына Богдановича Орленка, который действительно с апреля 1697 г. владел правом сбора государственных пошлин за продажу табака, еще не делает приведенные в депеше сведения недостоверными: ведь мы окончательно не исключили вероятность того, что соответствующие документы еще могут быть найдены. Но даже если бы сообщение Гвариента и было основано на неверно истолкованной или даже ложной информации, мы все равно не можем к нему относиться с пренебрежением по следующим причинам.

Во-первых, сообщение это необходимо для правильного понимания рассказа Гвариента о бранобритии в Преображенском от 2 сентября. Описывая первую встречу Петра и бояр, которая сопровождалась бранобритием, в то время как "отрезание" бород в Московии "согласно приговору патриарха, немедленно навлекает отлучение от Церкви," Гвариент продолжает ранее начатый им разговор об Адриане, доказывая, что высказанный им ранее прогноз о скорой немилости царя в отношении предстоятеля теперь сбывается. Поэтому связь между действиями Петра в Преображенском 26 августа и политическим

¹⁵ Акельев, *Русский Мисопогон*, 495-502. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 495-502).

контекстом лета 1698 г. (сомнительная, с точки зрения Е.Н. Трефилова) была установлена вовсе не мной, а современниками, которые интерпретировали агрессию Петра в отношении боярских бород не как заявку на будущие преобразования (толкование Устрялова), а “прочитывали” его сквозь призму недавних событий (что вполне естественно).

Во-вторых, сообщение Гвариента от 17 июня о нелояльных действиях патриарха (даже если оно и недостоверное) невозможно проигнорировать в силу того особого значения, которое оно приобретает в контексте чрезвычайных обстоятельств лета 1698 г. В тот же день 17 июня из Москвы в Вену была отправлена (с той же почтой?) еще одна важнейшая государственная депеша - послание фактического главы государства на время отсутствия царя стольника князя Ф. Ю. Ромодановского. Адресатом был сам Петр I, находившийся тогда в Вене. Ромодановский сообщал царю о выходе из подчинения размещенных на западных рубежах четырех стрелецких полков, об их быстром продвижении к столице (в момент написания донесения мятежники уже были под Волоколамском, в 90 верстах от Москвы), о недавнем выступлении против них правительственных войск в составе 2300 человек во главе с А. С. Шеиным и П. Гордоном.¹⁶ Важно отметить, что численность продвигавшихся к Москве четырех мятежных полков была вполне сопоставима с направлявшимися к ним навстречу наспех собранным правительственными войсками,¹⁷ а потому исход столкновения для современников был далеко не так очевиден, как нам может показаться. Если донесение Ромодановского выдержано в спокойном деловом тоне, то находившиеся в те дни в Москве иностранные дипломаты в своих донесениях передавали панические настроения российской правящей элиты.¹⁸ Датский резидент Пол Хейнс в те же дни писал, что “весь двор находится в состоянии тревоги,” “все живут под страхом революции.”¹⁹ Гвариент в том же самом

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение), оп. 2, отд. 1, кн. 18, л. 38-39. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 9 (Kabinet Petra I i ego prodolzhenie), op. 2, otd. 1, kn. 18, l. 38-39); Опубл.: Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 474-476. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 474-476).

¹⁷ С. М. Соловьев, а вслед за ним В. И. Буганов без ссылки на источник писали о том, что взбунтовавшихся стрельцов насчитывалось 2200 человек. См.: С. М. Соловьев, “История России с древнейших времен,” в С. М. Соловьев, *Сочинения: В 18 книгах*, кн. VII, т. 13-14 (Москва: Мысль, 1991), 545. (S. M. Solov'ev, “Istoriia Rossii s drevneishikh vremen,” in S. M. Solov'ev, *Sochineniia: V 18 knigakh*, кн. VII, т. 13-14 (Moscow: Mysl', 1991), 545); В. И. Буганов, *Московские восстания конца XVII века* (Москва: Наука, 1969), 383-384. (V. I. Buganov, *Moskovskie vosstaniia kontsa XVII veka* (Moscow: Nauka, 1969), 383-384). В докладной записке, подготовленной вскоре после проведения розыска под Воскресенским монастырем, фигурируют данные о 2167 восставших стрельцах, из которых 161 человек погребено во время сражения, умерло от ран и было казнено; 19 сбежало; 1965 разосланы по разным городам и монастырям; еще 22 стрельца оставлены в Воскресенском монастыре для лечения, дальнейшего следствия или пострижения в том монастыре. См.: А. Н. Казакевич, *Восстание московских стрельцов: 1698 год (материалы следственного дела)* (Москва: Наука, 1980), 53-68. (A. N. Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov: 1698 god (materialy sledstvennogo dela)* (Moscow: Nauka, 1980), 53-68).

¹⁸ Также и Патрик Гордон в своем дневнике отмечает, что известие о стрелецком мятеже “произвело немалое устрашение среди вельмож.” Патрик Гордон, *Дневник, 1696-1698* (Москва: Наука, 2018), 149 (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1696-1698* (Moscow: Nauka, 2018), 149).

¹⁹ Г. В. Форстен, “Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.,” *Журнал Министерства народного просвещения* 356 (ноябрь 1904): 100 (G. V. Forsten, “Datskie diplomaty pri

донесении, в котором много писал о патриархе, также сообщал, что решение об отправке против мятежников правительственных войск (о котором Ромодановский доносил Петру) было принято с большим трудом:

Ближние бояре, полководцы и другие главные министры уже несколько раз проводили свои ночные советы и размышляли, как наилучшим образом преодолеть эту опасность. Наконец, было постановлено, чтобы 25-го числа сего месяца полк царской гвардии... отправились навстречу этим нарушителям присяги и ожидали их приближения на выгодной позиции. Однако большинство бояр опасаются, что это слишком дерзкое и рискованное предприятие, будучи уверенными, что бунтующие стрельцы имеют большую поддержку и продвигаются сюда, рассчитывая на ее усиление [по мере их приближения к Москве]. Это небезосновательное размышление увеличивает опасение, не присоединятся ли к мятежникам полки, которым приказано противостоять восстанию?²⁰

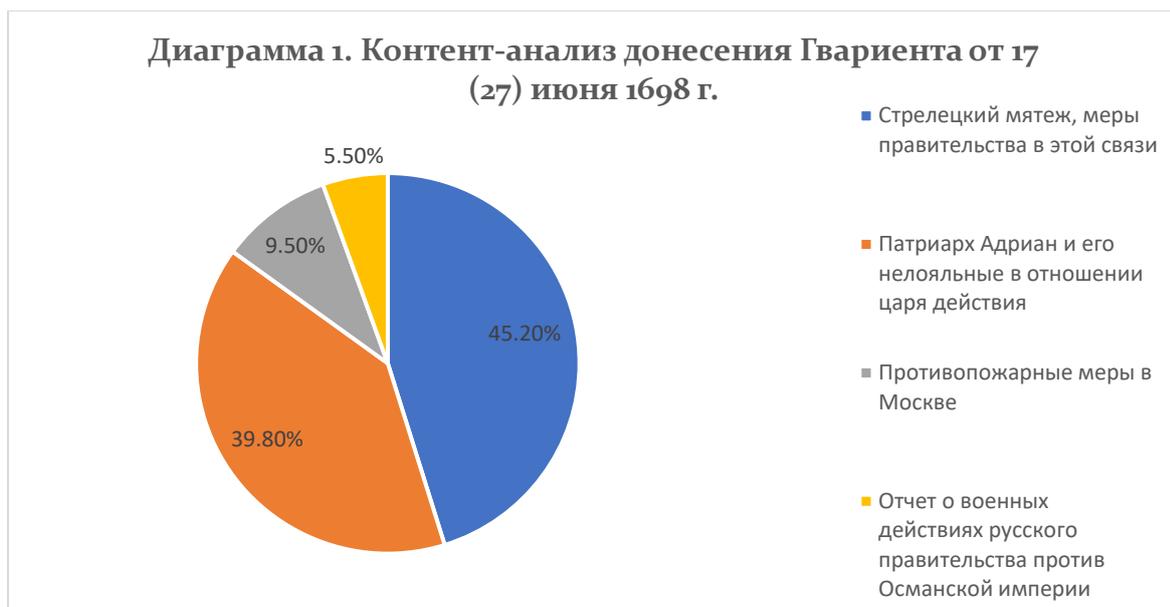
Можем ли мы усомниться в том, что во время военного мятежа подобные опасения (о возможности перехода на сторону военных мятежников какой-то части населения и даже правительственных войск) очень вероятны и даже естественны? Но столь же очевидны в подобной ситуации и предположения о том, что повстанцы связаны с кем-то из Москвы. Причем в первую очередь подозрения, конечно, падают на тех, кто может извлечь из возможного государственного переворота максимальные выгоды.²¹

В таких чрезвычайных обстоятельствах Гвариент почему-то значительную часть своего послания в Вену посвящает Адриану. Донесение дипломата от 17 июня включает в себя (в русском переводе) 1101 слово, из которых 438 (почти 40 %) посвящены перечислению свидетельств нелояльного отношения патриарха к царю, причем эта часть по объему немногим уступает описанию обстоятельств военного мятежа и различных действий правительства в этой связи (45 %), хотя вряд ли стоит сомневаться в том, что именно стрелецкое восстание являлось важнейшим и волнующим всех событием (см. диаграмму 1).

moskovskom dvore vo vtoroi polovine XVII v.," *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 356 (November 1904): 100).

²⁰ Акельев, *Русский Мисопогон*, 502. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 502).

²¹ Как здесь не вспомнить то, что патриарх Иоаким, играя значительную роль во всех бурных событиях 1682 г., в итоге увеличил свой авторитет и влияние настолько, что, по верному замечанию В. М. Живова, в короткий период правления Софьи оказалась воплощена "модель симфонии двух властей," когда церковная власть имела реальную возможность "играть роль независимого центра власти, параллельной власти царей (правительницы Софьи и ее окружения)": В. М. Живов, *Из церковной истории времен Петра Великого* (Москва: Новое литературное обозрение, 2004), 9–10. (V. M. Zhivov, *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004), 9–10).

При анализе донесения Гвариента от 17 июня не будем забывать и об общих источниковедческих особенностях дипломатических донесений, которые не предполагали включение в них никакой лишней информации. Пол Бушкович, много работавший с этими документами, так объясняет их ограничения: “перед дипломатами стояли определенные задачи, в силу чего они игнорировали проблемы, не имевшие важности для их государей. Так, церковь и культурные перемены, в ней происходившие, почти никогда не упоминались в дипломатических донесениях. Церковь появлялась в них лишь в тех редких случаях, когда она вмешивалась в высокую политику или международные отношения.”²² Помня об этом, как же объяснить, зачем Гвариенту понадобилось так долго удерживать внимание императора Леопольда I на патриархе Адриане и его нелояльных действиях в отношении Петра I, в то время как в стране разворачивался опасный военный мятеж, который мог завершиться даже сменой правящего монарха?

Ответить на этот вопрос помогает другой находившийся в Москве дипломат, датский резидент Пол Хейнс, который в своем донесении, направленном в Копенгаген в эти же самые дни, зафиксировал слухи о возможной причастности патриарха к восстанию. Хейнс написал, что идея о возможной связи Адриана с мятежниками витает в воздухе, но все же напрямую “никто не осмеливается высказать никаких подозрений против его святой персоны” (*personne n’ose faire remarquer aucun soupçon contre sa sainte personne*), и сам Хейнс не верит в подобные слухи.²³ Это пояснение датского дипломата служит прекрасным комментарием к сообщению Гвариента, который, не высказывая никаких явных подозрений, составил свое донесение таким образом, что читатель непременно должен был задуматься, а не заинтересован ли нелояльно настроенный патриарх в победе мятежников.

²² Пол Бушкович, *Петр Великий: Борьба за власть (1671-1725)* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008), 14-15. (Paul Bushkovitch, *Petr Velikii: Bor’ba za vlast’ (1671-1725)* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008), 14-15).

²³ Форстен, “Датские дипломаты,” 100. (Forsten, “Datskie diplomaty,” 100).

Депеши Хейнса и Гвариента не оставляют никаких сомнений в том, что в разговорах о скрытых механизмах стрелецкого восстания, которые дипломаты, несомненно, вели с *какими-то более знающими людьми*, обсуждалось поведение Адриана, свидетельствующее о его враждебности по отношению к Петру и его политике, а также делались осторожные намеки на патриарха как на очевидного бенефициара военного мятежа в случае его успеха. Подчеркнем, что речь идет не о допущении, а о прямо следующим из дипломатических донесений факте.

О том, что в связях с мятежными стрельцами патриарха Адриана подозревали не только дипломаты, но также и близкие к Петру I иноземцы

Конечно, австрийский посол мог заблуждаться, но он совершенно точно не выдумал все то, что написал о патриархе в донесении от 17 июня. Гвариент, как и Хейнс не находились в замкнутом пространстве, но вращались в определенных кругах, передавая в своих донесениях их настроения. Значит, имперский посланник от кого-то почерпнул все эти сведения, причем именно как доказательства нелояльного отношения Адриана к Петру в контексте военного мятежа.

В нашем распоряжении имеется достаточное количество надежных источников, чтобы определить, от кого именно Гвариент и Хейнс почерпнули изложенные в их донесениях сведения и подозрения. Историки располагают, с одной стороны, подробным дипломатическим дневником секретаря Гвариента И.-Г. Корба, благодаря которому можно восстановить круг общения посла, а с другой стороны – дневником генерала Патрика Гордона. Обращение к последнему источнику в данном случае вполне объяснимо: Гордон был главой московской католической общины, а потому посольство Гвариента, в задачи которого среди прочего входило продвижение католической миссии в России, являлось важнейшим объектом внимания шотландца. Гордон нанес свой первый визит недавно прибывшему послу императора Леопольда I 30 апреля 1698 г. Несколько дней спустя, 6 мая, после полудня, в гостях у Гордона был уже Хейнс, с которым Гордон регулярно встречался и прежде. 19 мая теперь уже “имперский посланник м-р Гвариент” провел у Гордона весь вечер. 5 июня Гордон записал: “Посланники Римского императора, датский и польский с их свитами и прочие друзья обедали у меня и оставались до ночи.”²⁴ Одновременно с этим Гордон постоянно встречается с представителями правящей элиты (боярином Л. К. Нарышкиным, стольником князем Ф. Ю. Ромодановским, боярином Т. Н. Стрешневым и др.), а одновременно с этим ведет личную переписку с Петром I.²⁵ В дни военного мятежа Гордон принимает участие в правительственных совещаниях в Кремле, а одновременно с этим продолжает встречаться с дипломатами. 12 июня Гордон “был наверху в совете,” в ходе которого принято окончательное решение о выступлении правительственных войск против мятежных стрельцов. После совещания Гордон “обедал у польского посланника с другими посланниками и друзьями.”²⁶ На этом обеде присутствовал среди прочих

²⁴ См.: Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 144, 146, 148. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 144, 146, 148).

²⁵ 5 июня Гордон “получил письмо от Его Величества, датированное в Амстердаме 9 мая.” Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 148. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 148).

²⁶ Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 149. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 149).

секретарь Гвариента Корб, который в своем дневнике в тот день записал: “На пиршестве у польского посла присутствовали цесарский и датский представители [Гвариент и Хейнс], генерал де Гордон (который, встав из-за стола, простился со всем, так как должен был спешить навстречу мятежникам), датский поверенный, полковники Блюмберг и Граге и многие другие.”²⁷

Итак, Гордон 12 июня присутствовал на совещании в Кремле, где получил окончательные инструкции относительно своего выступления на следующий день против мятежных стрельцов, после чего обедал у чрезвычайного посла Речи Посполитой Яна Станислава Бокия вместе с имперским посланником Гвариентом, датским послом Хейнсом, а также полковником Преображенского полка Иоганом фон Блюмбергом, австрийским военным инженером полковником Казимиром фон Граге и другими близкими к Петру иностранцами. Не имея стенографической записи их беседы, можем ли мы хотя бы на минуту усомниться в том, что на этом обеде разговор был о военном мятеже и предпринимаемых против него правительственных мерах? Разве в тот момент все эти люди, сидевшие за одним столом, могли думать и говорить о чем-то другом, прекрасно осознавая, что в случае победы стрельцов им угрожает смертельная опасность? Эта оценка отчетливо звучит в донесениях Хейнса и Гвариента: “Следует опасаться, что и без того непокорная чернь при желании воспользуется такой возможностью, присоединится к восставшим и тем самым вызовет ужасную кровавую баню,” – доносил в Вену Гвариент.²⁸ Если стрельцы войдут в Москву, то к ним, несомненно, присоединится “вся чернь,” и тогда начнется “общее восстание,” в ходе которого все иностранцы будут “принесены в жертву народной ненависти,” – написал в Копенгаген Хейнс.²⁹

Вспомним, что Гвариент в своем донесении сообщал также о совещаниях в Кремле по поводу стрелецкого мятежа, о различных мнениях бояр, наконец, о принятых решениях. Дипломат не мог почерпнуть эту информацию ни от кого иного, кроме как от Гордона, который присутствовал на всех этих совещаниях. Но тогда кто же иной, как не он, мог поведать недавно прибывшему австрийскому послу в таких подробностях о русском патриархе Адриане и его действиях?³⁰

Мысль о том, что предстоятеля можно подозревать в связях с мятежными стрельцами, может показаться фантастической или даже кощунственной. Но,

²⁷ И.-Г. Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)* (Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906), 64. (I.-G. Korb, *Dnevnik putshhestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*) (St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 1906), 64).

²⁸ Акельев, *Русский Мисопогон*, 501. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 501).

²⁹ Форстен, “Датские дипломаты,” 100. (Forsten, “Datskie diplomaty,” 100). Стрелецкий розыск показал, что эти опасения были не напрасны. Многие стрельцы впоследствии на самом деле признались в намерении “разорять Немецкую слободу и немец побить за то, что будто православия от них, немец, закоснело.” Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71-72. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71-72).

³⁰ Необходимо отметить, что факт тесного взаимодействия Гвариента и Корба с Гордоном давно установлен в научной литературе. См.: Paul Bushkovitch, “Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 98; С. Шокарев, “Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований,” в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 418. (S. Shokarev, “Zapiski sovremennikov Petra Velikogo ob epokhe preobrazovaniï,” in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 418). Сам Е. Н. Трефилов в своей рецензии привел важные аргументы в подтверждение этого факта (см. сноска 27 в его тексте).

памятуя о том, что люди как правило склонны воспринимать происходящее сквозь призму своего собственного опыта, нелишним будет напомнить, что последний политический переворот, произошедший в России в августе-сентябре 1689 г., был осуществлен при активном участии патриарха Иоакима. Розыскная комиссия о Ф. Л. Шакловитом и его сообщниках параллельно с расследованием заговора на жизнь Петра и его матери Натальи Кирилловны рассматривала также намерение сторонников царевны Софьи совершить церковный переворот.³¹ В числе главных заговорщиков фигурировал Сильвестр Медведев, которого всерьез подозревали в намерении убить патриарха Иоакима, занять его место, а затем осуществить церковную унию.³² Гордон не только видел эти события собственными глазами, но и сам активно в них участвовал, оставив в своем дневнике уникальные исторические свидетельства. В частности, 12 сентября 1689 г. он записал, что Петра "с великим трудом убедили согласиться на казнь этих людей [Шакловитого и нескольких стрельцов], и не прежде, чем его уговорил патриарх [Иоаким]."³³ Сразу после завершения следствия о Шакловитом и его сообщниках последовали суровые правительственные меры против католиков. По настоятельному "святейшаго патриарха и всего Освященнаго Собора прошению" из Москвы были в срочном порядке высланы иезуиты, которым на сборы и продажу двора в Немецкой слободе выделили всего два дня. В качестве причины такой резкой перемены было объявлено, что "они Святой Соборной Восточной Апостольской Церкви и догматам ея чинят противность и раскол, и людей прельщают, и римской своей вере научают."³⁴ После этого московская католическая община, которую возглавлял Гордон, на много месяцев осталась без священника и, следовательно, без таинств.³⁵ Несколько недель спустя был опубликован указ, ужесточивший порядок въезда в страну выходцев из Западной Европы.³⁶ Патриарх Иоаким настолько усилил свое влияние и политический вес, что мог позволять себе не допускать на официальный прием служилых иноземцев в Кремль, лично приглашенных Петром. Так, 28 февраля 1690 г., когда "младший царь" устроил торжественную трапезу в Грановитой палате по случаю рождения царевича Алексея, патриарх Иоаким резко воспротивился допуску в царские палаты "еретиков," в результате чего Гордон должен был удалиться. В тот день шотландец записал в своем дневнике: "Я должен был обедать наверху, но патриарх протестовал против допуска иноземцев."³⁷

³¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830), no. 1352, 40-42 (*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (PSZ), t. 3 (St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830), no. 1352, 40-42).

³² См.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 161-168. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 161-168).

³³ Патрик Гордон, *Дневник, 1684-1689* (Москва: Наука, 2009), 212, (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1684-1689* (Moscow: Nauka, 2009), 212).

³⁴ ПСЗ, т. 3, no. 1351, 39-40. (PSZ, t. 3: no. 1351, 39-40).

³⁵ См.: А. Н. Андреев, "Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь," *Вестник Южно-Уральского государственного университета* 17:4 (2017): 10. (A. N. Andreev, "Moskovskaia rimsko-katolicheskaia obshchina v kontse XVII v.: formirovanie, sostav i konfessional'naia zhizn'," *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* 17:4 (2017): 10).

³⁶ См.: ПСЗ, т. 3, no. 1358, 46-47. (PSZ, t. 3, no. 1358, 46-47).

³⁷ Патрик Гордон, *Дневник, 1690-1695* (Москва: Наука, 2014), 11. (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1690-1695* (Moscow: Nauka, 2014), 11).

Но неожиданно для патриарха Петр, до августа 1689 г. не проявлявший особенной тяги к общению с иноземцами,³⁸ а после переворота первое время даже соблюдавший “все требования кремлевского ритуала строже, чем в предыдущее время,”³⁹ постепенно все более и более склоняется к общению с Лефортом, Гордоном и их окружением, что вскоре (с начала 1690 г.) находит отражение и в его “бытовой европеизации.”⁴⁰ Обеспокоенность Иоакима переменой, происшедшей в “младшем царе,” выражена в его духовном завещании, составленном незадолго до смерти 17 марта 1690 г., в котором он строго предостерегал государей от сближения с иноземцами, представлявшими, с точки зрения патриарха, смертельную опасность для всего православного мира; особенно же предстоятель умолял царей воздерживаться от назначения “еретиков” на важные военные посты.⁴¹ Но Петр делал все наоборот: сразу после смерти Иоакима он повелел себе изготовить первое “немецкое” платье и парик, причем материалы были куплены у Лефорта, который в эти же дни был произведен в генерал-майоры.⁴²

После смерти Иоакима, как известно, развернулась борьба вокруг кандидатуры нового патриарха, за которой пристально наблюдал Гордон, так как от исхода напрямую зависело положение московской католической общины. 20 июля 1690 г. он записал в своем дневнике, что кандидатом Петра был митрополит псковский Маркелл, которого, однако не хотели видеть патриархом “старшая вдовствующая королева Наталья Кирилловна с аббатами, приорами и низшим духовенством,” опасаясь, что “он станет жаловать католические и другие религии.” Царица поддерживала кандидатуру преемника Иоакима митрополита Казанского Адриана.⁴³ Гордон возвращается к этой важной теме 23 августа, когда патриархом все-таки был избран Адриан, “невзирая на царскую склонность к Маркеллу, митрополиту Псковскому, коего старые бояре и большинство духовенства ненавидели за его ученость и другие великие добродетели и избрали этого ради его невежества и простоты.”⁴⁴

Став предстоятелем, Адриан сразу же продемонстрировал готовность следовать заветам своего предшественника: в первые месяцы патриаршества он обратился к пастве с обширным программным “Окружным посланием” в 24 “увещеваниях,” лейтмотивом которого была опасность, исходящая от католиков и протестантов, именуемых “врагами Божиими и веры православной.” По убеждению Адриана, “ересь” проникает в Православную Церковь постепенно и

³⁸ См.: Н. Н. Петрухинцев, “Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в.,” *Quaestio Rossica* 5:1 (2017): 201-202, 208-209. (N. N. Petrukhintsev, “Ranee evropeiskoe vliianie na Petra I: Patrik Gordon i Frants Lefort v kontse XVII v.,” *Quaestio Rossica* 5:1 (2017): 201-202, 208-209).

³⁹ Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 1, 95. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 1, 95).

⁴⁰ Петрухинцев, “Раннее европейское влияние на Петра I,” 210-211. (Petrukhintsev, “Ranee evropeiskoe vliianie na Petra I,” 210-211).

⁴¹ Духовное завещание [патриарха Иоакима], в А.П. Богданов, *Русские патриархи*, т. 2 (Москва: ТЕРРА; Республика, 1999), 308-309, 311-312. (“Dukhovnoe zaveshchanie [patriarkha Ioakima],” in A. P. Bogdanov, *Russkie patriarkhi*, t. 2 (Moscow: TERRA; Respublika), 308-309, 311-312).

⁴² См.: Петрухинцев, “Раннее европейское влияние на Петра I,” 213 (Petrukhintsev, “Ranee evropeiskoe vliianie na Petra I,” 213).

⁴³ Гордон, *Дневник, 1690-1695*, 21-22. (Gordon, *Dnevnik, 1690-1695*, 21-22).

⁴⁴ Гордон, *Дневник, 1690-1695*, 25. (Gordon, *Dnevnik, 1690-1695*, 25).

малозаметно: сначала через заимствование "чужестранных обычаев," а потом дело дойдет и до их учения.⁴⁵

Нет никаких сомнений в том, что Петр был хорошо знаком с этим важным программным документом нового патриарха. Может ли быть случайным то, что образ действий Петра, которого он придерживается с первых же дней патриаршества Адриана, нарочито противоречил этой программе? Именно осенью 1690 г., когда новый предстоятель публично сформулировал положения своей программы, государь становится частым гостем в Немецкой слободе, а его гардероб обновляется интенсивнее, в результате чего "новый, приближенный к европейскому стиль одежды превращается для царя в привычную повседневность."⁴⁶

Патриарх Адриан пытается этому противостоять тем средством, которое было в его распоряжении, то есть архиерейским словом. Именно к этому периоду (то есть концу 1690–1692 г.) относятся многочисленные проповеди Адриана, написанные Карионом Истоминым, Евфимием Чудовским, братьями Лихудами и другими книжниками из его окружения, в которых в духе завещания патриарха Иоакима строго возбраняется общение с "еретиками." Позволю себе процитировать одну из них:

Да уже общашеся с иноземцы, подобне мнози навыкоша делом их, ибо своего государства отеческия постоянныя воздержныя обычаи и нравы охуждают, иноязыческия же, и еретическия, и возбраненныя Церковию дела, паче же Самим Богом заповеданныя не творити хвалят и творят, яко брады на лице своем брют, блуднически соделовающе вид свой, пити, гуляти, играти, исполняти похотения своя злая, с еретиками проклятыми по кокуем и по дворищам их ликовати то и дело мнят быти. А у еретиков, лютеров и калвинов ни постов святых, ни воздержаний телесных никогда нет, но на всякия злобы по еретической и богомерзской их науке разпоясаны суть всегда.⁴⁷

Можно предположить, что в этой обличительной речи совместное времяпрепровождение с "еретиками" в Немецкой слободе (на "Кокуе"), подражание их обычаям, в том числе брадобритию, не случайно оказываются тесно взаимосвязанными. Скорее всего, именно на этот период "бытовой европеизации" Петра приходится и освоение им привычки брадобрития, которая, несомненно, перенималась и людьми из его окружения. Судя по сохранившимся парсунам (Л. К. Нарышкина, Я. Ф. Долгорукова, Г. П. Годунова, А. И. Репнина), брадобритие действительно было весьма распространено в среде высшего московского общества 1690-х гг. Упомянутое Гвариентом при описании брадобрития в Преображенском "постановление" патриарха Адриана о запрещении брадобрития под угрозой отлучения от Церкви не случайно

⁴⁵ Опубликовано: Акельев, *Русский Мисопогон*, 447-463. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 447-463).

⁴⁶ Петрухинцев, "Раннее европейское влияние на Петра I," 213-215. (Petrukhintsev, "Rannee evropeiskoe vliianie na Petra I," 213-215).

⁴⁷ Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ), Чуд. 300, л. 176 об. (Otdel rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (OR GIM), Chud. 300, l. 176 ob.).

появилось именно в это время. Но такая радикальная позиция в итоге привела к тому, что, покуда прозападная ориентация Петра становилась все более очевидной, патриарх и его окружение оказывались в положении усиливающейся конфронтации с царем.

И вот теперь Петр находился в Вене, откуда намеревался ехать в Италию. В эти месяцы вопрос о возможной церковной унии очень серьезно обсуждался на самом высоком уровне. М. М. Богословский, внимательно изучивший документы, связанные с пребыванием Петра в австрийской столице, отметил:

Тот исключительный интерес, который был проявлен Петром в Вене к католическому богослужению, его в высшей степени благосклонное отношение к католическому духовенству, к иезуитам, и в частности к Вольфу, окрылили мечты высших венских церковных кругов, где уже и ранее существовало мнение о Петре как о государе, склонном осуществить соединение церквей. Теперь это мнение могло благодаря отношению, проявленному Петром к католической церкви, и его словам о соединении только укрепиться. В венских церковных кругах ходили рассказы о недовольстве против царя со стороны московского православного духовенства именно за его намерение присоединиться к римской церкви и об опасении со стороны этого духовенства, что царь последует в этом случае примеру путешествующего по Италии боярина Б. П. Шереметева, который будто бы уже перешел в католичество.⁴⁸

Присоединения Петра к Римской церкви тогда ждали многие, но одни, как патриарх Адриан, люди из его окружения, сочувствующие ему бояре, - с апокалиптическим страхом, а другие, как Гвариент и Гордон, - с большим нетерпением. В этом контексте становится понятным, почему 12 июня собравшиеся за одним столом у польского посланника Гордон, Гвариент, Хейнс, а также полковники Блюмберг и Граге, обсуждая военный мятеж и возможных союзников повстанцев, в первую очередь думали о патриархе Адриане, а вовсе не о томившейся в Новодевичьем монастыре царевне Софье.

О том, почему подозрения Гордона о связях мятежных стрельцов с патриархом Адрианом впоследствии должны были еще более укрепиться

В тот день, когда Гвариент и Ромодановский отправили свои донесения в Вену Леопольду I и Петру I, Гордон и Шеин сошлись с мятежниками у основанного патриархом Никоном Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим) на берегу Истры, в 40 верстах от Москвы. На следующий день, 18 июня, непосредственно перед сражением, в правительственный лагерь явился стрелецкий десятник Колзакова полка Васька Андрианов сын Зорин с обращением от повстанцев, которое хотел "прочесть большого полку в народе"⁴⁹ (т.е. перед

⁴⁸ Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 2, 524-525. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 2, 524-525).

⁴⁹ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 42. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 42).

правительственными войсками). Что же хотели объявить восставшие прибывшим для их усмирения служилым людям?

Именуя себя "семенем избранным" и "народом христианским," стрельцы заявляли, что они, как их отцы и деды, всегда служили и служат своим великим государям верой и правдой, а главная цель их службы состояла и состоит в том, чтобы "благочестие (т.е. православие – Е. А.) хранить, якоже содержит Святая Апостольская Церковь." На этом они "целовали крест святой" и в этом видят суть своей присяги ("о благочестии непременно служим"). Именно обязанность "благочестие хранить" и принудила их к выступлению и продвижению к Москве, поскольку сейчас "благочестие" оказалось под угрозой: вопреки церковным запретам в православном царстве распространяется брдобритие и табакокурение, на важнейшие должности назначаются "еретики"-иноземцы, а что от этого происходит, они, стрельцы, могли испытать сами, на собственной шкуре, во время Азовского похода. "Еретик иноземец Францк Лефорт," возжелав "благочестию великое препятствие учинить," "не хотя наследия нашего христианского видеть," своим злым "умышлением" делал все возможное, чтобы в ходе осады Азова погубить как можно больше "народа христианского." Тем не менее вопреки злонамеренным действиям Лефорта, стараниями стрельцов и "поможением Божиим" Азов был взят (пусть это и стоило многих напрасных жертв), после чего стрельцы, оставленные приводить его в порядок, работая "денно и ночью," "все место азовское розчистив, и по наряду город земляной новой и ров делали, и в совершенстве учинили." После этого утомленные войной и работой стрельцы почему-то не были отпущены в Москву, а были направлены на польский рубеж, в полк боярина и воеводы М. Г. Ромодановского, который их, "вывед по полкам ис Таропца, велел рубить," то есть попросту хотел погубить. Но они, стрельцы знают, каковы истинные причины того, почему "еретики"-иноземцы и бояре-изменники так долго держат их подальше от столицы и прилагают все усилия к тому, чтобы их истребить: "идут к Москве немцы," после чего, "последуя брдобритию и табаку," наступит "всесовершенное благочестию испровержение." Иными словами, сейчас идет речь о том, что скоро наступит точка невозврата, когда свершится то, о чем предупреждали патриархи Иоаким и Адриан: все Московское царство "облатинится"! Но они, стрельцы, целовавшие крест на том, чтобы служить "благочестию," не могут этого допустить.⁵⁰

Я намеренно так подробно пересказал содержание коллективного стрелецкого обращения, чтобы подчеркнуть его тесную связь с риторикой патриархов Иоакима и Адриана. В. В. Заплетин высказал обоснованное предположение, что авторы коллективного обращения были знакомы с духовным завещанием патриарха Иоакима, в особенности, с его строгим запретом назначать "еретиков" на важные военные должности.⁵¹ Однако в обращении также просматривается знакомство авторов и с проповедями патриарха Адриана. Более

⁵⁰ Акельев, *Русский Мисопогон*, 197-200, 486-494. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 197-200, 486-494).

⁵¹ См.: В. В. Заплетин, "Об идеологической функции 'Открытого письма' десятника В. Зорина в событиях стрелецкого восстания 1698 г.," *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология* 1 (2017): 17. (V. V. Zapletin, "Ob ideologicheskoi funktsii 'Otkrytogo pis'ma' desiatnika V. Zorina v sobytiakh streletsogo vosstaniia 1698 g.," *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* 1 (2017): 17).

того, можно сказать, что в нем четко и емко выражено их основное идейное содержание.

Могли ли стрельцы составить столь близкий к завещанию Иоакима и проповедям Адриана текст самостоятельно? И как могло так совпасть, что стрельцы выступили в защиту православия в тот самый момент, когда государь находился в Вене, откуда намеревался ехать в Италию, где наверняка посетил бы Рим, а возможно, и папу римского. А может быть, их действиями управляет кто-то из Москвы? Я нисколько не домысливаю, когда утверждаю, что эти очевидные подозрения разделялись членами первой следственной комиссии “в разрядном шатре” под Воскресенским монастырем (в составе Шеина и Гордона). Из сохранившихся следственных материалов прямо следует, что дознавателей в первую очередь интересовали обстоятельства составления коллективного обращения стрельцов: кто внушил стрельцам выраженные в нем идеи (кто их “научил”)? Кому предназначалось обращение по изначальному замыслу? Кому принадлежала идея огласить текст в правительственной войске? С каким умыслом это планировалось сделать? Кто конкретно участвовал в составлении текста? Кто знал о его содержании? Таков перечень вопросов, задаваемых стрельцам Шеиным и Гордоном.

Е. Н. Трефилов настаивает на том, что сохранившиеся материалы стрелецкого розыска под Воскресенским монастырем не дают нам никаких доказательств в пользу того, что Шеин и Гордон могли предполагать связь повстанцев именно с патриархом. И здесь я должен признать его правоту. Действительно, повстанцев как будто прямо не спрашивали, велась ли переписка с Адрианом или с кем-то из его окружения; вопросы имели более общий характер: сносились ли мятежники с кем-то из Москвы - с боярами, с людьми каких-то иных чинов, и не контактировали ли они со стрельцами из других городов. Но заметим, *во-первых*, что и эти вопросы все-таки однозначно свидетельствуют о подозрениях, что мятеж спровоцирован кем-то из Москвы, возможно, даже какими-то боярами. *Во-вторых*, подозрения в отношении Адриана, которые, как мы уже установили, все-таки имелись у Гордона (ведь именно через него они попали в донесения Хейнса и Гвариента), вовсе не обязательно должны были отразиться в прямых вопросах о непосредственных контактах предстоятеля с повстанцами; более того, мне кажется, вряд ли кому-то могло прийти в голову, что патриарх мог лично писать стрельцам с призывом к мятежу ради спасения православия. Другое дело подозревать, что Адриан, а скорее даже кто-то из его сторонников, могли воздействовать на стрельцов опосредованно, через каких-то бояр или людей иных чинов. Но ведь именно такие вопросы и ставились дознавателями. А потому один лишь факт отсутствия в следственных материалах прямых вопросов о связях мятежников с Адрианом ни о чем не говорит, и он не может опровергнуть всю совокупность других фактов и вполне обоснованных предположений.

О том, что подумал Петр, получив известие о военном мятеже, и что нового он узнал о нем по пути в Россию

Наконец, мы добрались до ключевого вопроса: дошли ли слухи о возможных связях мятежных стрельцов с патриархом Адрианом до

находившегося за границей царя? И могли ли эти слухи повлиять на первые его действия после возвращения в Москву, в частности, мотивировать на скандальную выходку с брадобритием в Преображенском?

В нашем распоряжении имеется сохранившееся в подлиннике собственноручное письмо Петра, которое он написал Ромодановскому 16 июля 1698 г. в Вене в ответ на его донесение. Это единственный источник, по которому мы можем судить об образе мыслей царя в первый же момент после получения известия о военном мятеже. Прочитую это письмо целиком:

Min Her Kenih.

Письмо твое, июня 17 дня писанное, мне отдано, в котором пишет Ваша милость, что *семя Ивана Михайловича растет, в чем прошу быть вас крепких, а кроме сего ничем сей огонь угасить не мочно.*

Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, аднако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете.

Peter.

Из Вены, июля в 16 день 1698.⁵²

Публикаторы первого тома *Писем и бумаг императора Петра Великого* прокомментировали это письмо следующим образом: "Под семенем Ивана Михайловича (т.е. Милославского, боярина, которого Петр Великий считал главным виновником кровопролитий, бывших в первом стрельцком бунте 1682 года) следует разуметь стрельцов, сторонников царевны Софьи Алексеевны."⁵³

Эта интерпретация прочно закрепилась в историографии как совершенно доказанный и неоспоримый факт. Так, публикатор материалов следственного дела о восстании московских стрельцов 1698 г. А.Н. Казакевич выразил уверенность в том, что Петр в письме Ромодановскому сразу "узрел [...] нить от стрельцов к Софье," не подкрепив это предположение какой бы то ни было аргументацией.⁵⁴ Между тем под "семенем Ивана Михайловича [Милославского]" вовсе не обязательно должна была подразумеваться Софья. Следует напомнить, что в конце февраля 1697 г., накануне отъезда Петра в Великое посольство, был раскрыт заговор Цыклера, главным содержанием которого была попытка воспользоваться отсутствием царя для возведения на трон с помощью стрельцов нового монарха. Как известно, ритуал казни заговорщиков 4 марта 1697 г. включал в себя надругательство над телом умершего еще в 1685 г. И. М. Милославского. Это было сделано потому, что Петр считал Ивана Михайловича идейным вдохновителем заговора Цыклера, так как Милославский был тем человеком, который впервые применил стрельцов для осуществления дворцового переворота. Будучи близким к Ивану Михайловичу человеком, Цыклер и сам участвовал в стрельцком восстании 1682 г., успех которого, очевидно, и вдохновил его на новую попытку. В этом смысле Петр и считал Ивана Михайловича

⁵² РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 1, кн. 28, л. 15-16. (RGADA, f. 9, op. 2, otd. 1, kn. 28, l. 15-16); Опул.: *Письма и бумаги императора Петра Великого (ПуБ)*, т. 1 (Санкт-Петербург: Государственная типография, 1887), 266. (*Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, t. 1 (*PiB*) (St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1887), 266).

⁵³ *ПуБ*, т. 1, 742. (*PiB*, t. 1, 742).

⁵⁴ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 10. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 10).

Милославского родоначальником этого заговора. Но важно подчеркнуть, что Софья не была замешана в деле Цыклера (хотя ее кандидатура среди прочих обсуждалась заговорщиками).⁵⁵

Следовательно, в ответе Ф. Ю. Ромодановскому Петр вовсе не указывал на связь повстанцев с Софьей, когда предложил видеть в новом мятеже очередной плод “семени Ивана Михайловича.” Если бы Петр действительно сразу “узрел [...] нить от стрельцов к Софье,” он бы скорее всего так об этом и написал, дав Федору Юрьевичу конкретные инструкции о более строгом режиме охраны сестры, об аресте ее служанок и т.п. Но в письме Петра мы этого не видим.

Какие же мы можем сделать твердые заключения относительно того образа мыслей, которого держался Петр после прочтения донесения Ромодановского? Во-первых, Петр без колебаний принял твердое решение о срочном возвращении в Москву, которое не изменил и после получения известий об успешном подавлении военного мятежа. За этим решением, очевидно, стоит оценка ситуации как очень опасной, требующей его обязательного присутствия в Москве. Во-вторых, в ответе Ромодановскому просматривается уверенность Петра в том, что стрельцами вновь пытается воспользоваться кто-то из Москвы (“семя Ивана Михайловича”). И это убеждение царь старался внушить Ромодановскому, призывая его в борьбе с “семенем Ивана Михайловича” проявлять “крепость.” Вот и все, что мы можем знать наверняка о том впечатлении, которое произвело на Петра первое известие о стрелецком восстании.

Но было ли донесение Ромодановского от 17 июня единственным источником, откуда Петр черпал сведения о военном мятеже во время своего отсутствия в России?⁵⁶ Мы должны однозначно исключить такую вероятность, и у нас есть на это все основания. Хотя корреспонденция Петра июня-августа 1698 г. почти не сохранилась, по разным данным мы знаем, что она была в те дни очень активной. Так, сохранился оригинал царского письма на немецком языке полковнику Блюмбергу от 18 июня, доставленный в Москву 18 июля. Получение письма наверняка заставило Блюмберга написать государю ответ (как это сделал, например, Н. М. Зотов, который получил письмо Петра с той же почтой 18 июля). Напомним, что Блюмберг был в числе тех персон, кто 12 июня сидел за одним столом вместе с Гордоном, Гвариентом и Хейнсом, в ходе которого, как мы предположили выше, обсуждалась фигура патриарха Адриана, его нелояльное отношение к Петру и его заинтересованность в том, чтобы военный мятеж увенчался успехом. В своем ответном письме царю Блюмберг, разумеется, не мог обойти тему стрелецкого мятежа стороной.

Достоверно известно, что 24 июля 1698 г., когда царский кортеж находился в Кракове, Петру была доставлена почта из России. Первая редакция *Истории*

⁵⁵ См.: ПСЗ, т. 3, no. 1575, 280–281. (PSZ, t. 3, no. 1575, 280–281); Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 1, 387–393. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 1, 387–393); Н. Б. Голикова, *Политические процессы при Петре I* (Москва: Издательство Московского университета, 1957), 87–100. (N. B. Golikova, *Politicheskie protsessy pri Petre I* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957), 87–100); Бушкович, *Борьба за власть*, 194–201. (Bushkovich, *Bor'ba za vlast'*, 194–201).

⁵⁶ Я сознательно не ставлю вопроса о том, мог ли царь быть ознакомлен с содержанием донесения Гвариента, которое было получено в Вене в те дни, когда там находился сам Петр, поскольку мы все равно вряд ли сможем на него ответить наверняка. Однако заметим, что Вена, будучи заинтересованной в продвижении католической миссии в России, не могла не осознавать своей выгоды в том, чтобы настроить царя против Адриана.

свейской войны, составленная в 1717–1721 гг., включает сообщение, основанное на личном воспоминании царя о тех памятных днях:

И когда его величество о том бунте получил ведомость в Вене при самом отъезде в Италию, тогда, оставя сей путь, восприял путь свой в Россию. В котором пути, недалеко проехав Краков, получил другое письмо, что бунтовщики все разбиты и побраны, чего для возможно бы ехать в Италию и Францию, однако ж в разсуждении то имел, что протчие стрельцы, хотя сему бунту и не точны, однако ж сумнение на них надлежало иметь, ибо она пехота устроена была образом янычар туретских (которые, правда, и воздали по-янычарски). И всегда были заодно. Того ради опасаясь, дабы от протчих в небытии его величества (которое по тогдашних обычаем зело странно было) паки какого замешания не было, неотменно продолжал путь свой в Россию.⁵⁷

Чье письмо получил Петр в Кракове? Почти наверняка это был Ромодановский, который обязан был отправлять государю регулярные отчеты; к тому же он знал, что царь, увидевшей в корне мятежа “семя Ивана Михайловича,”⁵⁸ с нетерпением ожидал подробных сведений о расследовании. Из дневника Гордона, который непосредственно участвовал в расследовании под Воскресенским монастырем,⁵⁹ мы узнаем, что 24 июня он составил письмо царю, в котором “вкратце написал к Его Величеству обо всех обстоятельствах сего похода.”⁶⁰ Об этом послании Гордон также упомянул в письме, отправленном Лефорту из лагеря под Воскресенским монастырем 30 июня 1698 г.⁶¹ К сожалению, само это письмо Гордона не сохранилось, и мы не знаем, в каких выражениях он посчитал нужным сообщить Петру I “обо всех обстоятельствах.” Но я предполагаю, что Гордон, намереваясь написать царю “обо все обстоятельствах,” просто не мог проигнорировать важнейшее из них, вокруг которого и была сосредоточена работа следственной комиссии “в разрядном шатре” у Воскресенского монастыря: попытку стрельцов перед сражением ознакомить правительственные войска со своим коллективным

⁵⁷ *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*, вып. 1 (Москва: Кург, 2004), 81. (*Gistoriia Sveiskoi voiny (Podennaia zapiska Petra Velikogo)* (Moscow: Kurg, 2004), t. 1, 81).

⁵⁸ Н. М. Зотов в своем ответном письме Петру от 22 июля 1698 г., выдержанном в шуточном тоне, упомянул о мятеже следующими словами: “Дай Господи Боже вас дождатца, тогда б Ивашка не стал нам ругатца.” *ПуБ*, t. 1, 730. (*PiB*, t. 1, 730). Под “Ивашкой” здесь, несомненно, понимается Иван Михайлович Милославский. Стало быть, Зотов знал о содержании письма Петра Ромодановскому от 16 июля 1698 г., а потому и поспешил выразить государю свою солидарность с его оценкой этих событий. А это означает, что Ромодановский ознакомил с ответом Петра и других его сподвижников, причем они от царя этого не скрывали.

⁵⁹ О том, что Гордон принимал участие в следствии и присутствовал на пытках, мы узнаем из его дневника. Например, 21 июля он записал: “Мы собрали еще один полк прежним порядком, допрашивали и подвергали пытке разных лиц, кои сознавались в своих злонамеренных умыслах — если бы добрались до Москвы.” 25 июля он записал: “Сей и последующие дни, кроме воскресенья, мы каждодневно с утра до вечера занимались расследованием дела, и многие были пытаны, иные из коих сознались.” Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 153–154. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 153-154).

⁶⁰ Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 154. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 154).

⁶¹ Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 188. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 188).

обращением, в котором они объявили себя защитниками православия. Более того, мне кажется, что Гордон мог завуалированно выразить свои подозрения о возможной связи мятежников и Адриана.

Е. Н. Трефилов категорически отвергает мое предположение: “как можно обнаружить подозрения, да еще и завуалированные, в недошедшем до нас письме?” Но замечу, что моя догадка не такая уж фантастическая. *Во-первых*, как мы уже видели, подозрения о связи стрельцов и Адриана именно в завуалированном виде выражены собеседниками Гордона Гвариентом и Хейнсом в донесениях их монархам. Нет ничего невероятного в том, что такую же мысль и в сходной форме выразил и Гордон в письме своему монарху. *Во-вторых*, подозрения дипломатов, как мы выяснили, основаны на сведениях, предоставленных самим Гордоном; а это значит, что шотландец и сам разделял эти подозрения, иначе сложно объяснить, зачем он рассказал Гвариенту и Хейнсу о нелояльном отношении Адриана в тот момент, когда все разговоры были только об одном – о военном мятеже. Но как же искренне преданный Петру Гордон мог не предупредить своего монарха о смертельной угрозе, если он был твердо уверен в ее существовании? Наконец, *в-третьих*, обратим внимание на следующий эпизод. Вернувшись в Москву вечером 25 августа, Петр I сразу же направился в Немецкую слободу, где пожелал срочно увидеться с Гордоном. Однако генерал в тот момент находился в своей деревне под Тулой. Тогда подполковник Ливингстон незамедлительно отправил Гордону письмо, получив которое генерал записал в своем дневнике 2 сентября: “Около одиннадцати часов я получил письмо от подполковника Ливингстона, датированное 25 августа, с вестью, что Его Величество прибыл в Москву в тот самый день и уже побывал у меня дома, справляясь обо мне. Посему я велел спешить с подготовкой к моему раннему отъезду завтра.”⁶² Отправившись в обратный путь 3 сентября, пожилой генерал, стараясь сократить путь, следовал густыми лесами, пользуясь услугами местных проводников, не останавливаясь для отдыха даже ночью, и это все несмотря на очевидную опасность подобных путешествий.⁶³ Приехав в Немецкую слободу днем 8 сентября (потратив на дорогу всего 5 дней, в то время как письмо подполковника Ливингстона шло 8 дней!), Гордон застал Петра у полковника Граге – того самого, который тоже присутствовал на памятном обеде у польского посланника 12 июня. Секретарь Гвариента Корб, бывший очевидцем этой встречи, в дневнике отметил, что Гордон хотел было на коленях просить у царя прощения, но Петр не позволил.⁶⁴ Чем же объяснить желание царя увидеть Гордона в самый вечер своего возвращения, отчаянную поспешность шотландца, а затем и его унижительные извинения за отсутствие в столице в момент возвращения царя, если не какими-то причинами особой государственной важности? И что это могли быть за причины, если не обстоятельства стрельцкого мятежа, которые и принудили Петра к срочному возвращению?

Но, конечно, мы не можем знать о содержании письма Гордона наверняка, пока оно не обнаружено; здесь, безусловно, есть пространство для споров. Однако замечу, что для меня этот аргумент является не единственным и даже не самым важным. Если Петр действительно подозревал патриарха Адриана или кого-то из

⁶² Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 163. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 163).

⁶³ Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 163-164. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 163-164).

⁶⁴ Корб, *Дневник путешествия в Московию*, 86. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu*, 86).

его сторонников в связях с мятежниками, это должно было повлиять на его первые действия после возвращения, а также найти отражение в материалах сентябрьского стрелецкого розыска.

О том, что материалы “большого стрелецкого розыска” сентября 1698 г. не опровергают, а подтверждают гипотезу о том, что царь подозревал патриарха в связях с мятежниками

Материалы так называемого “большого стрелецкого розыска” сентября 1698 г. играют в критике Е. Н. Трефилова ключевое значение. Мой оппонент настаивает на том, что в этих материалах ничто не указывает на то, что Петр изначально предполагал связь стрельцов с патриархом Адрианом. Но посмотрим повнимательнее, так ли это на самом деле.

Всякое следствие предполагает наличие предварительной версии. Без нее нельзя приступить к розыскным мероприятиям, так как невозможно определить, с чего начать, кого допрашивать в первую очередь, какие вопросы задавать и т.д. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что Петр начал стрелецкий розыск совсем не на другой день после возвращения, а только 17 сентября.

Но это вовсе не означает, что в предшествующие дни работа в этом направлении совсем не велась. Как раз наоборот, Петр занимался стрелецким розыском очень активно. Как установил еще М. М. Богословский, в конце августа Петр распорядился этапировать в Преображенское две группы подследственных. Первая группа - четыре стрельца, содержавшихся в Воскресенском монастыре под крепким караулом: Васька Зорин, Васька Игнатъев, Аничка Сидоров, и Якушка Алексеев. Богословский цитирует документ, согласно которому эти подследственные были доставлены в Преображенское 30 августа (а значит соответствующее распоряжение было сделано не позднее 29 августа, всего три дня спустя после царского возвращения).⁶⁵

Решение Петра начать следствие с допроса именно этих обвиняемых легко объяснить. Васька Зорин, как мы помним, был тем стрельцом, который попытался огласить среди правительственных войск коллективное обращение повстанцев о защите православия с явным намерением склонить служилых людей на свою сторону. Если на первом допросе от 18 июня Зорин признался, что обращение было составлено “по их, стрелецкому, общему совету и согласию,” то впоследствии он настаивал на том, что оно написано “одного ево умыслом.” На пытке 24 июня Зорин оговорил лишь десятника его же полка Ваську Игнатъева, с которым они якобы то обращение “складывали вместе,” а также пятидесятника Чубарова полка Аничку Сидорова и пятидесятника Колзакова полка Якушку Алексеева, которые якобы одобрили его содержание. Как ни старался Шеин выведать у Зорина новые детали о коллективном обращении (в частности, выяснить, кто внушил стрельцам выраженные в нем идеи, а также установить, не велась ли с кем-то на сей счет переписка), стрелец выдержал все истязания, утвердившись на последней версии. Видимо, дальнейшие пытки могли угрожать

⁶⁵ Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 26. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 26).

жизни этого важнейшего подследственного, а потому Шеин 26 июня решил приостановить следствие, приказав этих четырех стрельцов заковать в кандалы и крепко стеречь в Воскресенском монастыре.⁶⁶

Таким образом, приказ этапировать этих четверых означал, что Петр за три дня пребывания в России уже успел ознакомиться с материалами стрелецкого розыска под Воскресенским монастыре, выслушать все доклады, после чего согласился с выводами Шеина и Гордона о том, что коллективное обращение стрельцов, обстоятельства и цели его составления – это ключевой эпизод, от которого следует оттолкнуться.

Но все же в первую очередь Петр стал допрашивать не этих стрельцов, а полковых священнослужителей. Причем царь приложил личные усилия к тому, чтобы привлечь их к следствию, предварительно лишив священства. Об этом мы узнаем из донесения Гвариента от 2 сентября (того самого, в котором сообщается о брадобритии в Преображенском). Посол среди прочего сообщает, что 30 августа патриарх имел у царя “аудиенцию продолжительностью в 2 часа,” на которой “представлял оправдания за неисполнение того, чтобы заключить царицу в монастырь, и возлагал вину за пренебрежение царским приказом на некоторых бояр и духовных лиц.” Петр тотчас приказал арестовать и доставить в Преображенское “трех русских попов и отдать [их] до дальнейших распоряжений в тамошний лейб-гвардейский полк под стражу.”⁶⁷

Анализируя этот фрагмент донесения Гвариента, М. М. Богословский, заметил, что оно содержит ряд серьезных неточностей; это объясняется тем, что посол “пишет по слухам, потому впадает в неточность и путает подробности.” О чем идет речь? *Во-первых*, встреча царя и патриарха, вне всяких сомнений, состоялась не 30 августа, а днем позже, 31 августа. *Во-вторых*, это не патриарх приехал к царю на аудиенцию, а наоборот, царь приехал в резиденцию патриарха, на что совершенно определенно указывает бухгалтерская документация патриарших старцев, в которой по-деловому зафиксировано, что 31 августа 1698 г. “было пришествие великого государя,” а потому к столу выделено столько-то провизии. Наконец, *в-третьих*, три священника, о которых пишет Гвариент “были не кто иные, как попы стрелецких мятежных полков.”⁶⁸ Находившиеся при мятежных полках священники, согласно документальным данным, были действительно присланы в Преображенское из Патриаршего разрядного приказа 1 сентября, причем с них уже был снят священнический сан.⁶⁹ Если соответствующие распоряжения были отданы после разговора Петра с патриархом вечером 31 августа (о чем пишет Гвариент), то документально

⁶⁶ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 53. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 53).

⁶⁷ Акельев, *Русский Мисопогон*, 509. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 509).

⁶⁸ Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 14-15. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 14-15).

⁶⁹ Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 27-28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 27-28). Сопроводительные документы Патриаршего разрядного приказа от 1 сентября, с которыми в Преображенский приказ, по снятии сана, были присланы трое полковых священников, упомянуты в старой описи следственного дела 1722 г.; они были использованы М. М. Богословским (он указывает их шифр и листы), но впоследствии эти бумаги куда-то затерялись, и до сих пор их место хранения неизвестно. См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 12. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 12).

передача подозреваемых в Преображенский приказ должна быть оформлена следующим днем, что мы и видим на самом деле.

Следовательно, эти священники были арестованы не в связи с неисполнением патриархом царского указа о заточении в монастырь Евдокии (как решил Гвариент), а по поводу возможного соучастия полковых батюшек в военном мятеже. А это значит, что предметом разговора Петра и Адриана была вовсе не семейная драма царя, а то важнейшее обстоятельство, которое и заставило государя срочно вернуться в Москву, а именно стрелецкое восстание. Нет ничего удивительного в том, что Гвариент передал содержание беседы царя и патриарха неточно: откуда ему было знать такие подробности, если он путается даже в таких деталях, как дата и место встречи?

Несмотря на все очевидные доказательства, Е. Н. Трефилов все-таки почему-то считает, что "у нас нет никаких данных, подтверждающих точку зрения, что этот арест [трех полковых священников] явился следствием разговора царя с патриархом и что предметом разговора был стрелецкий бунт." Как же нет? Посмотрим еще раз на документально подтвержденные данные: ранее находившиеся под властью патриарха Адриана полковые священники были лишены священства и присланы для следствия в Преображенское ровно на следующий день после встречи царя и патриарха; причем лишение священников сана было возможно только по приказу Адриана, который отдал соответствующие распоряжения сразу после того, как его посетил царь; Гвариент зафиксировал свежие слухи о том, что именно Петр приказал арестовать и доставить в Преображенское трех священников после тяжелой беседы с патриархом. О чем же разговаривали царь и патриарх во время их документально подтвержденной встречи 31 августа, если на другой день патриарх лишил священства трех полковых священников, чего он почему-то не делал ранее, а затем отправил их для следствия в Преображенское? Разве можно представить, что Петр и Адриан беседовали о каких-то отвлеченных, не относящихся в военному мятежу, предметах, но после ухода царя патриарху вдруг вздумалось лишить полковых священников сана и послать их в Преображенское к стрелецкому розыску, а Петр (тоже невзначай) вдруг решил начать расследование важнейшего политического процесса своего царствования с этих самых полковых священников?

Пересмотрев вследствие критики Е. Н. Трефилова все данные, я пришел даже к более радикальной мысли о том, что разговор Петра и Адриана 31 августа об обстоятельствах стрелецкого мятежа очень напоминает допрос. Мы имеем все основания рассматривать эту встречу как одну из первых следственных процедур в рамках стрелецкого розыска, осуществляемого лично Петром I. Действительно, ведь именно в результате этой встречи были арестованы лица, которых сам царь считал наиболее важными для выявления истинных причин военного мятежа подозреваемыми. Иначе как объяснить, что Петр 17 сентября начал расследование именно с допросов бывших полковых священников? Причем их не только допрашивали, но долго и жестоко пытали на дыбе, дав по 25 ударов кнутом (для сравнения: ключевой подследственный стрелецкий десятник Васька Зорин, который в итоге и дал самые важные показания, в тот день получил всего 5

ударов).⁷⁰ М. М. Богословский объясняет этот факт следующим образом: “Розыск начался с виновных, принадлежавших к тому сословию, которому везде отводилось официально первое место: с духовенства. Были допрошены три упомянутых выше полковых попа или, как они теперь, по ‘обнажении священства,’ стали называться, ‘распопы’.”⁷¹ Однако это объяснение не может быть принято. Во-первых, “попы,” как отметил сам же Богословский, еще до присылки в Преображенское прошли процедуру “обнажения священства,” а значит перестали быть священниками. Во-вторых, очередность следственных мероприятий в таких важных политических процессах (да и в любых других) определялась совершенно иными (несловными) принципами: сперва допрашивали вовсе не тех подозреваемых, которые имели более высокий социальный статус, а извечников или главных подозреваемых, которые могли предоставить следствию наиболее важную информацию.

Итак, стоявший во главе “большого сентябрьского розыска” Петр начинает свое следствие в рамках стрелецкого розыска, по сути, с неофициального допроса патриарха Адриана в его резиденции, после чего следует лишение сана полковых священников и осуществляется этапирование их в Преображенское, где вскоре с их допросов и начинается сентябрьский стрелецкий розыск. Е. Н. Трефилов никак не объясняет эти факты, а попросту их игнорирует. Объяснить же их можно только если признать, что царь считал полковых священников, бывших подчиненных патриарха Адриана, главными подозреваемыми, а потому и надеялся добыть от них сведения, которые можно будет в дальнейшем положить в основу вопросных пунктов для работы следственных комиссий.

Однако показания полковых священников оказались малоинформативными. Но зато очень важные сведения удалось добыть от Васьки Зорина, которому, как уже было замечено, в тот день уделялось не так много внимания, как полковым священникам. В самом конце своего допроса он проговорился, что у стрельцов была договоренность направиться “всеми четырьмя полки к Москве и, пришед, стать под Девичим монастырем и бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она по их челобитью вступила в правительство.” Правда, Зорин отрицательно ответил на вопрос, была ли у них на этот счет какая-то переписка с кем бы то ни было из Москвы: “советных писем” им никто не писал, утверждал он.⁷² Оговоренный им стрелец Васька Игнатъев, допрошенный в тот же день и поставленный с Зориным на очную ставку, подтвердил это важное показание и даже пояснил, что относительно плана прийти в Москву под Девичий монастырь с тем, чтобы возвести на престол царевну Софью, — “про то всех четырех полков стрельцы ведали.” Васька Игнатъев даже пошел дальше, рассказав, что у стрельцов был и запасной план на случай, если бы Софья отказалась принять правление в свои руки: в этом случае стрельцы планировали распространить списки с их коллективного обращения среди народа, поднять бунт, уничтожить

⁷⁰ См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68–69, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 68–69, 71); Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3, 28–30. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28–30).

⁷¹ Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3, 28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28).

⁷² См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 35. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 35).

Немецкую слободу, убить всех немцев, а вместе с ними и некоторых бояр (Т. Н. Стрешнева, И. Б. Троекурова и М. Г. Ромодановского), а затем возвести на престол Алексея Петровича ("обрать государя царевича").⁷³ Вся эта дополнительная информация, добытая при допросе Васьки Игнатьева, была тут же подтверждена и Васькой Зориным, а после и двумя другими стрельцами — Аничкой Сидоровым и Якушкой Алексеевым.⁷⁴

Эти показания, как известно, во многом предопределили дальнейшую тактику следствия, которое с 19 сентября происходило в десяти комиссиях, возглавляемых видными сановниками (князьями Ф. Ю. Ромодановским, И. Б. Троекуровым, Б. А. Голицыным и др.). Они основывались на вопросных пунктах, которые были составлены самим царем на основе полученных 17 сентября данных. Теперь стрельцов следовало на допросах и пытках прежде всего спрашивать, действительно ли они планировали "царевну Софью к себе во управление иметь," и велась ли с ней на этот счет переписка? Вторая группа вопросов по-прежнему была связана с коллективным обращением о защите православия: кто про него знал, читалось ли оно в полках, и планировалось ли с этой челобитной распространять списки в Москве "для возмущения." Наконец, третья группа вопросов касалась планов стрельцов относительно самого Петра ("об нем, государе, что у них было усоветовано?") и верных ему солдат Преображенского, Семеновского и иных полков – что они намеревались с ними делать? В случае заперательства следовало принуждать стрельцов к признательным показаниям словами, что другие товарищи уже принесли повинную в том, что "царевну во управление призывать, и по черным слободам для возмущения посылать, и Немецкую слободу рубить, и бояр побивать - про то ведали всех четырех полков все стрельцы."⁷⁵

О том, какой урок Ланглуа и Сеньобоса забыл Е. Н. Трефилов, и что из этого получилось

Но как же быть с самым важным пунктом критики Е. Н. Трефилова: в материалах стрелецкого розыска "нет и намек на то, что стрельцов спрашивали о контактах с Адрианом"? Это серьезное замечание заставило меня пристальнее вчитаться в документальный сборник, подготовленный А. Н. Казакевичем, и сравнить опубликованные в нем материалы с ординарными судебносудственными делами Преображенского приказа "о непригожих речах." В результате я пришел к некоторым выводам, которые, как мне кажется, позволяют объяснить и это обстоятельство.

1) В распоряжении исследователей имеются *беловики* протоколов показаний полковых священников и стрельцов, составленные *в сокращенной форме* на основе черновики, которые затем были уничтожены. На это обратил внимание еще Казакевич, который заметил, что тексты допросов, которые копировались "к докладу," нередко включают в себя сведения, отсутствующие в

⁷³ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71-72. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71-72).

⁷⁴ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 73-74. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 73-74).

⁷⁵ См.: *Ibid.*, 82-83.

беловиках; следовательно, выписки к докладу составлялись на основе не дошедших до нас черновиков.⁷⁶ Причем беловики переписывались уже после составления выписок к докладу, а значит, после завершения основных следственных процедур, когда подъячим были хорошо известны их результаты (т.е. они уже знали, какие вопросы в итоге привели к выявлению важных сведений, а какие, наоборот, оказались бесполезной тратой времени).

2) Зафиксированные в беловиках показания дошли до нас не в полном, а в сильно урезанном виде. Очень часто различные следственные процедуры (расспросы, пыточные речи, очные ставки) оформлялись не отдельно, как в обычных делах, а единым протоколом и как бы обобщенно. Причем подъячие фиксировали процедуры избирательно, опуская то, что в итоге оказалось несущественным.

Приведем для примера начало протокола допроса полковых священников от 17 сентября 1698 г., но опустим содержание, а оставим только элементы формуляра:

И сентября в 17 день распопы два человека, *Ефимко Самсонов да Бориско Леонтьев*, и стрельцы *Васка Зорин, Васка Игнатъев, Аничка Сидоров* привожены в застенок и *роспрашиваны порознь и пытаны*.

Ефимко до подъему говорил: [...]

Он же *с подъему* говорил: [...]

Он же, *Ефимко, с пытки* говорил: [...] Было ему 25 ударов.

Распопа ж Бориско у пытки говорил: [...]

А с пытки он же, Бориско, говорил: [...] Было ему 25 ударов.

Почему в этом протоколе в отношении первого “распопы” (Ефимки Самсонова) отдельно зафиксированы показания, сделанные на допросе (“до подъему [на дыбу]”), затем уже на первом этапе пытки (“с подъему [на дыбу]”), а потом и “с пытки” (т.е. при нанесении ударов кнутом), в то время как в отношении второго “распопы” (Бориски Леонтьева) зафиксировано только то, что он говорил “у пытки”? Можно однозначно исключить вероятность того, что распопу Бориску сразу стали пытать, предварительно не допросив, так как это противоречило бы не только установленному порядку следственной процедуры, но и заголовку документа, где сообщается, что все подследственные были сперва “роспрашиваны порознь,” а только затем “пытаны.” Следовательно, показания распопы Бориски, сделанные на расспросе, просто не были внесены в беловик документа. Количество подобных примеров можно было бы увеличить.

3) В изготовленные после завершения следственных процедур беловики оказались переписаны из черновиков далеко не все вопросы и ответы, прозвучавшие в застенках, а только те, которые имели значение для конечного результата. Это можно продемонстрировать на следующем примере. В первый же день после составления “вопросных статей” от 19 сентября в следственной комиссии Ф. Ю. Ромодановского допрашивали и пытали 7 стрельцов. Но при этом самый первый и главный из сформулированных Петром вопросов (планировали ли стрельцы “царевну Софью к себе во управление имать” и велась ли с ней на

⁷⁶ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 15-22 (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 15-22).

этот счет переписка?) нашел отражение только в показаниях двух стрельцов. В следственной комиссии М. А. Черкасского, где в то же время допрашивали и пытали 12 стрельцов, вопрос о Софье и ответ на него фигурируют в показаниях только лишь одного стрельца.⁷⁷ Причем не стоит ни на минуту сомневаться в том, что про Софью и переписку с ней спрашивали всех, так как дознаватели в комиссиях обязаны были руководствоваться сформулированными Петром вопросными статьями. Однако эти вопросы и ответы оказались зафиксированы далеко не во всех показаниях. Как это объяснить? Объяснение заключается в том, что составлявшие беловой столбец подьячие делали своего рода конспект, переписывая начисто только лишь те показания, которые имели существенное значение для конечного результата, игнорируя те фрагменты, в которых подследственные давали отрицательные ответы на вопросы.

Теперь, зная эти источниковедческие особенности имеющихся в нашем распоряжении беловиков, вернемся к следственным материалам от 17 сентября, когда Петр лично допрашивал бывших полковых священников, а вместе с ними – четырех стрельцов, имевших отношение к составлению коллективного обращения повстанцев о защите православия. Отметим, что в них зафиксированы только положительные ответы на вопросы (то есть то, что они сказали). Например, Ефимко Самсонов показал, что он знал о самовольном движении стрельцов к Москве, слышал из их разговоров о намерении побить бояр; он их пытался от этого дела отговорить, но получал ответы вроде “тебе де поп до того какое дело?” Но в его показаниях совсем не зафиксированы отрицательные ответы на вопросы следователей. Например, если бы распопу спросили, помогал ли он стрельцам составлять коллективное обращение о защите православия, а он бы на это ответил отрицательно, в протоколе допросе должна была бы появиться формулировка: “а той челобитной он не складывал;”⁷⁸ возможно, в черновике его допроса и пыточных речей на самом деле были зафиксированы подобные отрицания, но при составлении беловиков для подклейки в столбец они опускались.

Но мне кажется, что подобные вопросы (как и вопросы о получении каких-либо указаний от патриарха Адриана) священникам непременно должны были задавать. Это можно заключить из ответов стрельцов, которых допрашивали в один день с бывшими священниками. Так, Васька Зорин среди прочего показал: “А что де в той челобитной в начале написано богословием о избранном семени и народе христианском, и то де он велел писать для умиления собою.” Очевидно, это заявление было ответом на вопрос дознавателей о том, с чьей помощью написана идеологическая часть коллективного обращения. За этим вопросом, очевидно, скрывается сомнение в том, что стрельцы могли сами, без посторонней помощи, сочинить обращение о защите православия. То, что “в той челобитной в начале написано богословием,” естественно должно было прежде всего указывать на соучастие в ее составлении духовных лиц, то есть полковых священников, которых не случайно допрашивали вместе со стрельцами в один день.

⁷⁷ Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 83-94. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 83-94).

⁷⁸ Именно такую фразу мы видим в допросе стрельца Васьки Игнатьева от 25 июня: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 50. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 50).

Однако Е. Н. Трефилов не совсем прав в том, что вопросы о связях стрельцов с Адрианом совсем не возникали на следствии. Из материалов следствия от 17 сентября 1698 г. видно, что Петра и его помощников особенно интересовал факт присылки к стрельцам от Адриана накануне мятежа нового священника – иерея московской Церкви Живоначальной Троицы Ивашки Степанова, который должен был заменить якобы заболевшего священника той же церкви Емельяна Давыдова. Дознаватели тщательно допрашивали присланного к стрельцам из Москвы накануне восстания батюшку, а также дьякона Сеньку Осипова (племянника заболевшего попа Емельяна Давыдова), о том, действительно ли Емельян Давыдов был болен, когда он заболел, как патриарх об этом узнал, когда состоялся патриарший указ о его перемене, и был ли он зафиксирован в Патриаршем разрядом приказе. Все эти вопросы непротиворечиво указывают на существовавшие у Петра подозрения, что священник Иван Степанов был прислан патриархом к стрельцам накануне восстания вовсе не случайно. И в этой связи нельзя проигнорировать то обстоятельство, что об этом священнике как раз специально упомянул и Гвариент в донесении императору Леопольду I от 7 (17) октября 1698 г. с изложением первых подробностей стрелецкого розыска, осуществляемого Петром: “Арестованный [...] бывший с мятежниками поп получил благословение от патриарха, однако не мог достоверно и правдиво показать, был ли дурной умысел ему, патриарху, известен.”⁷⁹

Итак, как мы видим, что материалы “большого стрелецкого розыска” сентября 1698 г. вовсе не опровергают, а подтверждают мою гипотезу о том, что царь подозревал патриарха в связях с мятежниками. Возражения же Е. Н. Трефилова основываются на некритичном отношении к материалам стрелецкого розыска при одновременном пренебрежительном отношении к другим важным источникам (в первую очередь, донесениям дипломатов). Так, критикуя сообщения Гвариента, Е. Н. Трефилов приводит такой пример в пользу их недостоверности: в процитированном выше донесении дипломата от 7 (17) октября 1698 г. среди прочего сообщается об аресте офицера по фамилии *Karrawow* (Колпаков), который, когда ему после двух пыток оказывал помощь один немец, попытался перерезать себе горло, воспользовавшись оставленным доктором ножом. Мой критик пишет: “В следственных материалах нет упоминаний о том, что Колпаков пытался покончить жизнь самоубийством” (сноска 29). Отсутствие в следственных материалах тех или иных “упоминаний” предлагается считать бесспорным доказательством, что такого случая не было. Иными словами, Е. Н. Трефилов ожидает от следственных материалов фотографической точности: если подследственный действительно пытался покончить собой, выхватив нож у врача, то это непременно должно найти отражение в следственном деле; если же об этом эпизоде в следственном деле ничего не написано, значит того и не было.

Но как же здесь не вспомнить Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, которые еще очень давно разоблачили профессиональную болезнь многих историков,

⁷⁹ Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 627. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 627). Я пользуюсь переводом Г. В. Снежинской: Я. А. Гордин, *Петр I* (Санкт-Петербург: ИЦ “Пушкинского фонда,” 2020), 139 (Ja. A. Gordin, *Petr I* (St. Petersburg: ITs “Pushkinskogo fonda,” 2020), 139).

закрывающуюся в чрезмерной доверчивости к официальным делопроизводственным документам:

Почти в каждом протоколе есть некоторая незначительная ложь относительно дня или часа, относительно места, относительно числа или имен присутствовавших. Мы все были свидетелями, если только не принимали в них сами участия, некоторых из таких мелких фальсификаций. Но мы совсем забываем о них, когда дело идет о критике документов прошлого. Признание подлинности документа содействует поддержанию иллюзии; подлинность инстинктивно принимается за синоним достоверности. Строгие правила, предписываемые при составлении всякого подлинного документа, кажутся гарантией его достоверности; но они являются, напротив, поощрением лжи, не относительно сущности фактов, но относительно второстепенных обстоятельств. Из того, что какое-нибудь лицо подписывает акт, можно заключить, что оно с ним согласно, но нельзя заключать, что оно действительно присутствовало в тот час, когда акт указывает на его присутствие.⁸⁰

Рассмотренные мной выше материалы лишь подтверждают мудрость Ланглуа и Сеньобоса и еще раз напоминают о том, что на основании одних лишь официальных делопроизводственных документов нельзя делать выводы, игнорируя данные других источников. Прежде чем выдвинуть гипотезу, нам нужно сперва тщательно исследовать все дошедшие до нас "следы." Причем правильная гипотеза должна объяснить всю совокупность полученных данных, а не быть производной от одного лишь источника, даже если речь и идет о подлинном следственном деле.

⁸⁰ Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, *Введение в изучение истории* (Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004), 164. (Ch.-V. Langlois, Ch. Seignobos, *Vvedenie v izuchenie istorii* (Moscow: Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka Rossii, 2004), 164).